

ПЕТЕРБУРГСКИЯ ПИСЬМА.

VI.

Недавно въ Александринскомъ театрѣ впервые въ этомъ сезонѣ была поставлена драма Антона Чехова „Ивановъ“. Это одно изъ первыхъ произведений Чехова, — написанъ „Ивановъ“ лѣтъ десять тому назадъ. Когда я смотрѣлъ эту драму, то меня поразило необыкновенное сходство основной идеи съ тѣми идеями, которыя развивались Чеховымъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ. Незадолго до представленія „Иванова“ я прочелъ послѣдніе рассказы Чехова изъ „Русской Мысли“. Свое настоящее письмо я и хочу посвятить указанію той идейной связи, какая существуетъ между первыми и послѣдними произведеніями Антона Чехова — въ частности между „Ивановымъ“ и его послѣдними рассказами. Эта небольшая экскурсія въ область литературы не лишена интереса; во всякомъ случаѣ она интереснѣе описанія петербургскихъ злобъ въ нынѣшніе пока еще глухое время, когда Петербургъ и отъ дѣла не отсталъ навѣкъ слѣдуетъ, да вѣкъ зми не присталъ.

Героизмъ драмы Чехова является помѣщикомъ Ивановъ. Вотъ какъ характеризуетъ онъ самъ себя:

„Былъ я молодымъ, горячимъ, исправляющимъ, не глупымъ; любилъ, ненавидѣлъ и вѣровалъ не такъ, какъ всѣ, работалъ и надѣялся за десятилетіе, сражался съ мелкими, бился лбомъ объ стѣны; не ссорившись своихъ силъ, не разсуждая, я взвалилъ на себя ношу, отъ которой сразу захрустѣла спина и потянулись жилы; я спѣшилъ расходовать себя на одну только молодость, пьянствую, возбуждался, работалъ, не зная мѣры. И не знаю, можно ли было иначе? Вѣдь насъ мало, а работы много, много! Боже, какъ много! И вотъ, какъ жестоко истощилъ мнѣ жизнь, съ которою я боролся! Надорвался я! Въ 30 лѣтъ ужедохмелъ, я старъ, и уже надѣтъ халать. Съ тяжелою головою,

съ лѣнливою душой, утомленный, надорванный, надломленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачѣмъ живу, чего хочу? И мнѣ уже кажется, что любовь — вздоръ, ласки приторны, что въ трудѣ нѣтъ смысла, что пѣсни и горячія рѣчи пошлы и стары. И всюду я вношу съ собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращеніе къ жизни“.

Таковъ герой въ своихъ собственныхъ глазахъ. Насколько же эта характеристика соответствуетъ поступкамъ Иванова, его облику, какъ онъ вырисовывается въ ходъ драмы? Ивановъ — нутякъ, это человѣкъ исключительно слова, а не дѣла и въ этомъ его основная черта. Слова, одни слова наполняютъ всю его жизнь, словами онъ замѣняетъ дѣла, потокомъ словъ онъ оправдываетъ свое бездѣйствіе в свои иногда не совсѣмъ безупречныя поступки. Постоянное самоковѣряніе, постоянныя колебанія, ничего твердаго и устойчиваго — вотъ каковъ герой Чехова. Эта основная его черта — и служить источникомъ драмы. Ивановъ женатъ. Жена увлеклась его пылкими рѣчами, перемѣнила вѣру, оставила родной домъ, „отрѣзала отъ себя все, какъ отрѣзають гнилыя листья пожницями и пошла за нимъ“. Драма начинается въ тотъ моментъ, когда она больна — у нея чахотка и жить ей осталось не долго. Вся жизнь сосредоточивается въ мужѣ, а онъ уже успѣлъ разлюбить ее, знаетъ, что она скоро умретъ, но не чувствуетъ ни любви, ни жалости. Даже больше — онъ систематически гонитъ свою жену въ гробъ, своею холодною неумышленно, конечно, а подъ прикрытіемъ громкихъ фразъ о своей тоскѣ, о своемъ утомленіи. Онъ искрененъ — этотъ фразеръ, онъ дѣйствительно мучается, но эти муки выливаются въ красивыя фразы и только мучать другихъ. Иванова любить молодая дѣвушка Саша Лебедева, она полюбила его, потому что мечтаетъ, что излѣчитъ его отъ тоски, потому что ей нужна любовь дѣлатель-

ная. Ивановъ колеблется, онъ не любить Сашу, но опъ ѣздитъ къ Лебедевымъ, жена подарѣваетъ его, это ее страшно мучить и она умираетъ. Послѣ смерти жены Ивановъ хочетъ жениться на Сашѣ, но въ послѣдній моментъ, когда нужно ѣхать въ вѣнцу, онъ застрѣливается, когда Саша не хочетъ отказаться отъ него, несмотря на его просьбы. Изъ этой несложной фабулы талантливый художникъ создалъ замѣчательную драму, полную жизненной правды. Ивановъ является ея главнымъ, центральнымъ лицомъ.

Но кромѣ него мы видимъ въ драмѣ цѣлый рядъ прекрасно очерченныхъ типовъ, которые всѣ вмѣстѣ создаютъ предъ зрителемъ живую картину жизни, въ которой, по выраженію Сашы, „воздухъ застываетъ отъ тоски, мухи мрутъ со скуки и лампы начинаютъ коптить“. Въ изображеніи этой жизни, изображеніи необыкновенно вѣрнымъ и правдивомъ и заключается главный интересъ драмы Чехова. Передъ нами проходитъ цѣлая галлерея лицъ: графъ Шабельскій, дядя Иванова, разорившійся аристократъ, бризга, у котораго всѣ люди подлецы и мошенники, старики Лебедевы, старикъ отецъ, старый пьяница, мать обратившая домъ въ гласную кассу ссудъ и цѣлый рядъ другихъ болѣе мелкихъ лицъ.

Вся эта пустая, пошлая жизнь наполнена исключительно грубыми матеріальными интересами и сплетнями. Герой драмы, конечно, стоитъ выше другихъ дѣйствующихъ лицъ, но несмотря на это онъ не вызываетъ въ зрителѣ сочувствія въ своему положенію, отношеніе зрителя къ Иванову сходно съ отношеніемъ въ другимъ лицамъ драмы—это чувство жалости предъ пустотой ихъ жизни, гдѣ гибнетъ все, что мало-мальски выдается съ среды. Ивановъ не гибнетъ въ этой средѣ, въ немъ много съ ней сходнаго и, пожалуй, основное различіе въ томъ, что у него содержаніе жизни „слова, слова, слова“, а у всѣхъ остальныхъ эти содержаніемъ служатъ сплетни и пересуды. А жизнь людей съ та-

кимъ содержаніемъ опредѣляетъ еще Щедринъ, сказавъ, что „общество, не знающее иного содержанія, кромѣ сплетень и насильственно созданныхъ путей, можетъ быть способно лишь къ прозябанію“. И это прозябаніе нашло въ Чеховѣ прекраснаго изобразителя. „Я рекомендую читателямъ прочесть „Иванова“, особенно второе дѣйствіе, гдѣ это изображеніе особенно ярко. Перехожу теперь къ рассказамъ Чехова, помѣщеннымъ въ послѣднихъ книжкахъ „Русской Мысли“. Это рассказы: „Человѣкъ въ футлярѣ“, „Крыжовникъ“ и „О любви“.

Тема всѣхъ трехъ рассказовъ все то же изображеніе прозябанія общества, не знающаго никакого разумнаго содержанія. Въ первомъ рассказѣ передъ нами учитель гимназіи „человѣкъ въ футлярѣ“. Въ этомъ названіи охарактеризована вся его личность. Всю жизнь онъ окружалъ себя футляромъ, боялся самостоятельнаго слова, оригинальной мысли поступка, все то, что „не разрѣшено циркулярно“, внушаетъ ему какой-то ужасъ. И этотъ человѣкъ имѣлъ влияние въ городѣ—его боялись, боялись танцовать подъ праздники, боялись устраивать спектакли, боялись помочь бѣдняку—какъ бы не осудилъ „человѣкъ въ футлярѣ“. Когда онъ умеръ, то всѣ испытывали радостное чувство, какъ будто руки развязались. Но это только казалось. Людей въ футлярѣ много, и жизнь опять течетъ тускло, безцвѣтно, по шаблону, безъ яркихъ мыслей, безъ свѣтлыхъ порывовъ, окруженная цѣлымъ рядомъ усложностей и ненужностей, какъ бы футляромъ, мѣшающимъ свободно дышать и жить.

Въ рассказѣ „Крыжовникъ“—герой мелкій чиновникъ сосредоточилъ всю свою жизнь въ одной мечтѣ, въ одномъ желаніи, купить себѣ маленькую усадьбу гдѣ нибудь на берегу рѣки или озера. Все въ жизни вертелось у него вокругъ этой мечты, сельско-хозяйственныя книжки составляли его радость, его любимую духовную пищу, онъ любилъ читать и газеты, но чи-

Подольские губернские ведомости.

1898. 23 сентября. № 204.

С. 2.

талъ въ нихъ одни только объявленія о томъ, что продаются столько то десятинъ пашни и луга. Въ каждой усадьбѣ непременно долженъ былъ быть крыжовникъ, безъ него вся мечта утрачивала свою привлекательность. Много лѣтъ лишалъ онъ себя всего, копилъ деньги и, наконецъ, мечта его осуществилась. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ обратился въ настоящаго барина-помѣщика, кушалъ много, мылся въ банѣ, ногѣлъ, судился съ обществомъ, лечилъ мужиковъ отъ всѣхъ болѣзней содой и касторкой, въ день своихъ именинъ служилъ среди деревни благодарственный молебень, а потомъ ставилъ мужикамъ полведра. Наконецъ, онъ достигъ высшей степени мыслимаго для него счастья—онъ былъ собственнѣйшій крыжовникъ. И вотъ эгоистъ-человѣкъ, которому тарелка собственнаго крыжовника даетъ полное счастье и довольство, вымываетъ въ авторѣ слѣдующія мысли, въ которыхъ очень хорошо выражена идея всѣхъ тѣхъ произведеній Чехова, на которыхъ мы теперь останавливаемся.

„Я соображалъ, какъ въ сущности много довольныхъ, счастливыхъ людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемеріе, вранье. Между тѣмъ, во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе, изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ ни одного, который бы вскрикнулъ громко, возмутился. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащатъ на кладбища своихъ покойниковъ, но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, происходитъ гдѣ-то за кулисами. Все тихо, все спокойно и протестуетъ едва только нѣмая статистика: столько то съума сошло, столько-то ведеръ выпито, столько то дѣтей погвѣло отъ недо-

данья. И такой порядокъ очевидно вѣшенъ: очевидно счастливый чувствуетъ себя хорошо только потому, что вѣшенъ. Счастливые несутъ свое бремя молча безъ этого молчанія счастье было невозможно. Это общій гипнозъ. Надо, чтобы за дверью каждого довольнаго счастливаго человѣка стоялъ кто нибудь съ молоточкомъ и постоянно и номиналъ бы стукомъ, что есть вѣшенныя, что какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно покажется ему своимъ когтемъ, страшенъ буда, болѣзнь, бѣдность, потери его и кто не увидитъ и не услышитъ, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ. Но человѣка съ молоточкомъ нѣтъ, счастливый живетъ себѣ и мелкія житейскія заботы волнуютъ его слегка, какъ вѣтеръ осину и все онъ стоитъ благополучно“.

Если мы станемъ на точку прѣнѣ, выраженную въ этомъ отрывкѣ, то замѣчательно объединится и Иванова со всѣми его окружающими, и „Человѣкъ въ футлярѣ“ и герои „Крыжовника“. Всѣ они живутъ своею немилостивою, личною жизнью, и въ ней для нихъ все. Одни, какъ Ивановъ, страдаютъ, кошатся ичъ собою, другие стремятся только къ тому, чтобы жить такъ, какъ „разрѣшено циркулярно“ третьи все счастье видятъ въ тарелкѣ собственнаго крыжовника. Какъ и различны эти типы, но они имѣютъ общее—это слишкомъ большое самодовольство, слишкомъ равнодушное отношеніе ко всему, что лежитъ за пределами своего „я“. Для нихъ всѣхъ нуженъ „человѣкъ съ молоточкомъ“ чтобы разбудить ихъ отъ этой жизни.

На этомъ я и останавливаюсь. Конечно, мои замѣтки очень блѣдны и несовершенны, но я былъ бы доволенъ, если бы они хоть немного объяснили читателю значеніе тѣхъ произведеній Чехова, на которыхъ мы останавливались, значеніе „человѣка съ молоточкомъ“, который долженъ будить счастливыхъ. Въ этомъ огромная заслуга Чехова.

Н. К.

Петербургъ. 15 сентября.